

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Х. ТАКТАША

Д.К. Вахитова

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

В данной статье рассматриваются тематические группы инвективной лексики и фразеологии в творчестве классика татарской литературы начала XX века Х. Такташа. В основу многих творческих работ Хади Такташа заложены актуальные проблемы татарского народа описываемого исторического периода, что обуславливает высокую частотность использования инвективной лексики в речи героев его произведений. Среди наиболее обширных тематических групп, выявленных в работах писателя, следует выделить метафорические и заимствованные инвективы, проклятия, инвективы, обозначающие принадлежность человека к неблагоприятным социальным группам и др. Следует подчеркнуть, что инвективная лексика является важнейшим элементом в создании яркого и глубокого образа героя.

***Ключевые слова:** татарский язык, инвективная лексика, тематическая группа, метафора, заимствование, метонимия.*

В современной лингвистике активно ведется исследование инвективной лексики как неотъемлемой части лексического состава языка. В татарском языкознании некоторые аспекты данной проблемы освещены в работах таких исследователей как Г.Р. Галиуллина [Галиуллина 2021], А.Г. Файзуллина [Файзуллина 2008] и др. Инвективная лексика татарского языка является ярким примером эмоционально-окрашенной лексики, широко применяемой не только в рамках бытового дискурса, но и в художественном тексте.

Инвективная лексика в художественной литературе представляет собой не новое явление и призвана выполнять определенные функции в тексте. Состав, частотность и функциональность инвектив определяются автором с учетом жанра, тематики произведения, а также исторической эпохи, в которой ведется повествование. В данной статье анализу подвергается инвективная лексика и фразеология в работах классика татарской литературы Хади Такташа, творившего в начале XX века.

Каждая историческая эпоха накладывает свой отпечаток на состав инвективной лексики, что отражается естественным образом в литературе. Следовательно, конгломерат инвективной лексики, выявленный в произведениях писателя, отражает исторический период и события начала XX столетия. Мастерство Хади Такташа раскрывается в произведениях разных жанров, наиболее излюбленными из которых были проза и поэзия.

Его творчество отличается реалистическим описанием жизни татарского народа того времени. Каждая работа писателя отражает мысли и чувства этноса, его мечты и стремления, борьбу против зла и предрассудков.

В ходе анализа инвективных единиц, выявленных в лирических и драматических произведениях автора, был сформирован ряд тематических групп, в которых отражена действительность того времени, раскрыты ее типичные черты. В основу многих литературных работ Хади Такташа заложены актуальные проблемы татарского народа описываемого исторического периода, что обуславливает высокую частотность использования инвективной лексики в речи героев его произведений. Следовательно, инвективная лексика способствует максимальному приближению речи литературных персонажей к реальному естественному языку.

Первую тематическую группу составляют инвективы, указывающие на принадлежность человека к определенным социально непривлекательным группам. В работах Х. Такташа острой критике подвергаются мошенники, к примеру: *Ах, спекулянт, контр! Ах, буржуй!.. – дил берсен-берсе контрлыкта гаепләштеләр.* ‘Ах, спекулянт, контр! Ах, буржуй!.. – обвиняли они друг друга в контрреволюционности’ [Такташ 1942: 254]. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

Әй, сез, калдык нәпман уллары!

Базар корольләре!

Шарлатаннар!

Череп беткән сыра кортлары!

‘Эй, вы, сыновья нәпманосвкого охвостья!

Базарные короли!

Шарлатаны!

Сгнившие пивные черви!’ [Такташ 1942: 52].

В стихотворении поэта «Үтерелгән пәйгамбәр» («Убитый пророк») герой обращается к следующим социальным группам с призывом: *Юлбасарлар! Угры! Фахишаләр!* ‘Разбойники! Воры! Проститутки!’ [Такташ 1942: 13].

Таким образом, резкая критика и презрение составляют семантику инвективных единиц данной тематической группы.

В прозе и поэзии Х. Такташа была выявлена категория инвектив, относящихся к негативной характеристике человека с точки зрения его социального происхождения, а также финансового статуса. Инвективная лексика в произведениях писателя употребляется главных образом в отношении богатых людей. К примеру, в стихотворении «Нота» высказывание героя наполнено злостью и агрессией по отношению к лордам:

Әй, сез, лордлар, ерткыч юлбасарлар!

*Мәйдан ачык,
Сезне көтәбез!!
‘Эй, вы, лорды, свирепые разбойники!
Площадь открыта,
Ждем вас!!’* [Такташ 1942: 16].

Следовательно, взгляды, принятые в данной исторической эпохе в обществе, могли оставить свой след в использовании инвектив в адрес тех или иных социальных групп, отличающихся разным уровнем финансового благосостояния.

Обширный тематический круг инвектив включает различные проклятия, а также наименования сил зла, дьявола, ада и т.д. Отметим, что следующие инвективные единицы являются наиболее частотными в татарском языке: *жәен* ‘черт’, *тәмуг* ‘ад’, *шайтан* ‘шайтан, дьявол’, *пәри* ‘пери’, *убыр* ‘упырь’, *иблис* ‘дьявол’ и др. К указанным словам часто добавляется сам адресат, к примеру, *пәри кыз* ‘девушка – пери’, *иблис ялчысы* ‘слуга сатаны’ и др. В произведениях писателя герои часто прибегают к использованию подобного рода инвективной лексики, так в стихотворении «Гыйсьян» («Мятеж») были выявлены следующие примеры:

*Әй төнге албасты,
Убырлар сакчысы!
‘Эй ночной албасты,
Хранитель упырей!’* [Такташ 1942: 34].

В мифологии тюркских народов *албасты* обозначает женских демонических персонажей. В стихотворении *албасты* приобретает инвективную функцию и используется с целью выражения отрицательного отношения к другому человеку.

В любовном лирическом стихотворении Х. Такташа «Таң кызы» («Утренняя девушка») образ возлюбленной представляется как некое видение, которое главный герой называет *пәри кызы* ‘девушка – пери’. В мифологии татар *пәри* ‘пери’ представляют собой невидимые существа, как правило женского пола, отличающиеся красотой и некоторой легкостью. Также девушка может сравниваться с *дәжжәл кызы* ‘дочь дьявола’: *Уу... Кафер, дәжжәл кызы!* ‘Уу... Безбожница, дочь дьявола’ [Такташ 1942: 227].

К данной инвективной группе также следует отнести всевозможные проклятия, т.к. они, очевидно, тесно связаны с силами зла и адом. Типичными в прозе и поэмах Хади Такташа являются инвективные выражения, имеющие значение «будь проклят», «проклятый», к примеру, *Каһәр төшкән юлчы!* ‘Проклятый путник!’ [Такташ 1942: 33]; *Каһәр сукканнар, минем иркәләнергә теләгән яшерен уйны кайдан белеп өлгергәннәр әле.* ‘Проклятые, откуда они успели узнать мое тайное желание понежиться’ [Такташ 1942: 251].

В стихотворении поэта «Таныш түгел елмаючы» («Улыбающийся незнакомец») герой проклинает девушек, называя их *каһәр сукканнар* ‘проклятые’:

*Шаяралар,
Укымыйлар, каһәр сукканнар...
Көзге, каһәр суккан, комачаулый,
Ә көзгесез алар торалмый...
‘Веселятся,
Не учатся, проклятые...
Зеркало, будь оно проклято, им мешаает,
А без зеркала они не могут жить...’* [Такташ 1942: 124].

Использование проклятия как формы выражения крайнего неодобрения было также выявлено в следующих эмоционально-окрашенных высказываниях героев: *Әнә, кызың белән үк бар, чәнчелеп китегез!* ‘Вон иди со своей дочерью, чтоб вы сдохли (букв. чтоб вонзились)!’ [Такташ 1942: 198]; *Мәталеп киткере!* ‘Чтоб провалился!’ [Такташ 1942: 238]; *Ах, мур коргырлары! – дигән тавышлар гына төнге диварларга барып бәреләләр!* ‘Ах, мор на вас! – эти голоса ударялись о ночные стены’ [Такташ 1942: 258].

Проклятия широко используются в татарском языке в междометной функции, что подразумевает отсутствие интенции со стороны говорящего оскорбить или унижить адресата. Вместо этого, человек произносит проклятие с целью освобождения от эмоционального напряжения. Указанная функция проклятий была выявлена и в работах писателя: *Тфү, каһәр суккан!* ‘Тьфу, проклятье!’ [Такташ 1942: 129]; *Туңдырдың, шайтан алгыры.* ‘Заставил мерзнуть, черт возьми’ [Такташ 1942: 247].

Кроме того, к данной тематической группе относятся инвективы, которые обвиняют оппонента в том, что он безбожник или грешник. К примеру, в работе Х. Такташа выявлена инвектива *кафер* ‘безбожник’: *Уу... Кафер, дәҗҗәл кызы!* ‘Уу... Безбожница, дочь дьявола’ [Такташ 1942: 227].

Следовательно, многочисленные примеры подтверждают, что активное употребление инвектив, содержащих названия сил зла, и проклятий в разговорном естественном потоке речи обуславливает их широкое использование и в художественном тексте.

Отдельную группу инвективной лексики и фразеологии, выявленной в работах писателя, составляют инвективные метафоры. Отечественный лингвист В.Н. Телия рассматривает метафору как «способ создания нового значения», а также отмечает наиболее характерные свойства метафоры. Прежде всего, это ее образность, а также ориентация на способность адресата «разгадать метафору не только интеллектуально, но также оценивая обозначаемое и образ, лежащий в ее

основе, эмоционально воспринимая этот образ и соотнося его со шкалой эмотивно-положительных или отрицательных реакций» [Телия 1988: 181].

В рамках нашего исследования, в основе анализируемых инвективных метафор лежит образность, которая обусловлена национально-культурными и историческими факторами. К примеру, слово *тәре* (букв. крест) ‘проклятый’ не обладает инвективным значением в русском языке и не выделено отрицательными стилистическими пометами в словарях русского языка. Однако в толковом словаре татарского языка отмечено, что слово *тәре* (букв. крест) используется для брани в адрес человека, который не нравится, или того, кто совершил подлость [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге 2019: 583]. В татарско-русских словарях указанное слово имеет словарную помету *груб.* В произведениях Х. Такташа *тәре* (букв. крест) ‘проклятый’ может использоваться в качестве усилителя инвективности в совокупности с конкретизирующим словом: *Брама́т, син сукин тәре!* ‘Шатаешься без дела, сукин сын проклятый (букв. крест)’ [Такташ 1942: 205]. Кроме того, инвективная единица *тәре* также участвует в образовании устойчивых инвективных сочетаний, например, *тәре баганасы* (букв. столб креста) ‘остолоп’, *тәре табагачы* (букв. крест + сковородник) ‘остолоп’ и др.: *Кит, тәре табагачы, гәнаһланма!* ‘Уйди, остолоп (букв. крест + сковородник), не греши!’ [Такташ 1942: 225]; *Ә без, тәре табагачлары, аксак тавыкларыбызны саклап колхозга керми, бәрәңге ашап ятабыз.* ‘А мы, остолопы (букв. крест + сковородник), держим у себя наших хромых куриц, едим картошку и не вступаем колхоз’ [Такташ 1942: 243]. В отсутствии конкретизирующего слова *тәре* (букв. крест) имеет крайне негативную эмоциональную окраску, и в таком случае переводится как «поганый, проклятый, остолоп».

В творческих работах Х. Такташа были выявлены инвективные метафоры, основанные на переносе на такие предметы окружающей действительности как *тамуг чукмары* (букв. адская кочерга), *сыбызгы* (букв. свисток), *каеш кәпәч* (букв. ремешковая шапка), *җәһәннәм кисәве* (букв. адское обгорелое полено) и др.: *Тамуг чукмары, синең белән гәнаһка батып бетәрсең, тәүбә, тәүбә!* ‘Чертово отродье (букв. адская кочерга), с тобой я потону в грехе, чур меня!’ [Такташ 1942: 225]; *Тик тор, сыбызгы!* ‘Стой смиренно, балабол (букв. свисток)’ [Такташ 1942: 227]; *Их, каеш кәпәч, каеш кәпәч!* ‘Эх, чеплашка, чеплашка (букв. ремешковая шапка)’ [Такташ 1942: 233]; *Җәһәннәм кисәүләре, малгуннар... сезнең, каһәр сукканнарның, березез дә үлми...* ‘Чертовы отродья (букв. адское обгорелое полено), проклятые... никто из вас окаянных не умирает...’ [Такташ 1942: 263].

Метафоризация также основывается на характеристике человека, его личности и поведенческих особенностях посредством сравнения с животными. Отечественный исследователь в области инвектологии

В.И. Жельвис справедливо отмечает, что «инвективные ассоциации с различными животными характерны для всех национальных культур» [Жельвис 2001: 253]. Подобные ассоциации особенно характерны для культуры татар. Инвективные метафоры, основанные на сравнении с животными, являются многочисленными в татарском языке. Инвективные единицы, образованные путем сравнения с представителями животного мира, используются для обвинения адресата в наличии определенных негативных качеств, которые национальная традиция татар приписывает животному. Метафоризации подвергаются животные и птицы, имеющие определенные поведенческие и характерные черты, схожие с человеческими. Как известно, инвективные зоометафоры обладают высокой степенью образности, которая определяет различные характеристики человека, к примеру, его внешность, особенности поведения, физические и умственные способности, а также его многие другие качества.

Метафоризация может основываться на характеристике как домашних животных и птиц, так и диких. В работах Х. Такташа инвективные зоометафоры используются с высокой частотностью. В произведениях писателя среди названий домашних животных выявлена инвектива *бозау* ‘теленки’ для инвективной номинации человека: *Их, уҗым бозавы, соң шул кыяфәтең белән син дә җәннәткә керергә уйлыйсыңмы?* ‘Эх, мямля (букв. озимый теленок), ты думаешь попасть в рай с таким видом?’ [Такташ 1942: 225]. Из вышеуказанного примера следует, что в культуре татар *бозау* ‘теленки’ применяется для номинации нерешительного и глупого человека: *ахмак бозау* ‘глупый теленок’, *аңгыра бозау* ‘тупой теленок’ и др.

В татарской культуре *сыер* ‘корова’ олицетворяет как неуклюжесть, так и глупость, к примеру, *ахмак сыер* ‘тупая корова’ и т.д. Х. Такташ использует в своих произведениях инвективу *сыер* ‘корова’ именно в данной функции: – *Ахмаклар, сыбызгы борыннар, үзегез өчен бит, авылга аклар килсә камыт киясегезне белмисезмени, – дип сөйләнен маташса да, сыерлар, авылга аклар киләсен, килгәч, аларга уңайсыз буласын аңларга теләмәделәр.* ‘– Глупцы, трещотки (букв. нос-свисток), это же ради вас, если белые придут в вашу деревню, разве вы не знаете, что наденете хомут на себя, – даже когда он так говорил, тупицы (букв. коровы), не хотели понимать, что когда придут белые в деревню, им будет неудобно’ [Такташ 1942: 337].

Названия диких животных также нашли свое отражение в инвективных наименованиях человека в творчестве Х. Такташа. *Аю* ‘медведь’ традиционно сравнивается с неуклюжим, неповоротливым человеком: *Ах, агач аю, алаймы? Кире аю, тончык шунда кеше ишеге төбендә, билең бөкрәйде инде, тончык кеше эше эшләп.* ‘Ах, медведь деревянный, ты так? Медведь упрямый, подохни здесь у чужих дверей,

поясница уже согнулась, подохни, делая чужую работу’ [Такташ 1942: 198].

В национальной культуре татарского народа человек и его недостатки могут сравниваться с насекомыми. В стихотворении поэта «Гыйсьян» («Мятеж») проводится сравнение с *кортлар* ‘червяки’: *Әй, үләксә кортлары. ‘Эй, ничтожества (букв. червь+падаль)’* [Такташ 1942: 35].

Многочисленные примеры инвективных метафор, проанализированных в художественных текстах писателя, подтверждают, что они придают дополнительную экспрессивность и образность высказываниям персонажей, а также способствуют более глубокому раскрытию героев, их эмоционального фона и отношения к ситуации и людям.

В ходе анализа произведений Х. Такташа были выявлены случаи метонимического переноса. Анализ многочисленных примеров свидетельствует, что в работах писателя метонимический перенос основывается главным образом на наименованиях частей тела. Среди наиболее употребительных инвективных метонимий следует выделить словосочетания с такими номинациями частей тела, как *аяк* ‘нога’, *борын* ‘нос’, *авыз* ‘рот’, *муен* ‘шея’, *бит* ‘лицо’ и др. В сочетании с прилагательными метонимическая инвектива способна отражать отрицательные черты характера человека, поведенческие особенности, характеристики образа жизни. Выделены следующие группы инвективных метонимий:

1. *Муен* ‘шея’: *Ах табагач муен, табагач муен!* ‘Ах, шея-сковородник, шея-сковородник!’ [Такташ 1942: 225].

2. *Бит* ‘лицо’: *Их чүпрәк бит, чүпрәк бит.* ‘Их глупец, глупец (букв. тряпичное лицо)’ [Такташ 1942: 228].

3. *Авыз* ‘рот’: *Агач авыз, яхшылап сөйләшә дә белмисең. Агач авыз!* ‘Грубиян, (букв. деревянный рот), даже разговаривать нормально не умеешь. Грубиян (букв. деревянный рот)!’ [Такташ 1942: 198].

4. *Борын* ‘нос’: – *Ахмаклар, сыбызгы борыннар, үзегез өчен бит, авылга аклар килсә камыт киясегезне белмисезмени, – дип сөйләнеп маташса да, сыерлар, авылга аклар киләсен, килгәч, аларга уңайсыз буласын аңларга теләмәделәр.* ‘– Глупцы, трещотки (букв. нос-свисток), это же ради вас, если белые придут в вашу деревню, разве вы не знаете, что наденете хомут на себя, – даже если он так говорил, тупицы (букв. коровы), не хотели понимать, что когда придут белые в деревню, им будет неудобно’ [Такташ 1942: 337].

5. *Аяк* ‘нога’: *Салам аяк, карга борын, соң коммунар катын аламы, ди?* ‘Слабак (букв. соломенная нога), вороний нос, разве берут этаж коммунар?’ [Такташ 1942: 197].

6. Баш ‘голова’: *Кара син нәрсә тели, салма борын, кучаркар аяк! Ә кызың, кызың, салма борын, нәрсә булыр, син бит, чүпрәк баш, бернәрсә дә уйлый алмыйсың.* ‘Посмотри-ка, чего он хочет, нос из клецек, баранья нога! А твоя дочь, твоя дочь, нос из клецек, что будет, ты же, глупец (букв. тряпичная голова), ничего не можешь придумать’ [Такташ 1942: 197].

Как видим, инвектива, основанная на метонимическом переносе, полифункциональна, и в зависимости от слова-интенсификатора может использоваться для обвинения человека в наличии разных недостатков и пороков.

Заключительную тематическую группу инвектив, выявленных в литературных работах Х. Такташа, составляют заимствования из русского языка. Количественный анализ свидетельствует о том, что заимствования составляют самую обширную группу. Наиболее употребительными заимствованиями являются такие инвективы, как *сволочь, сукин сын, подлец* и др.

Такие заимствования как *дурак, болван* и др. используются для осуждения глупости и интеллектуальных недостатков человека: *Дурак булып йөрибез в самом деле... ‘Ходим, как дураки, в самом деле’* [Такташ 1942: 243]; *Парикмахер үзенең соңғы монологын: – Болван! – дип бетерде.* ‘Парикмахер закончил свой монолог словом болван’ [Такташ 1942: 252]; *Аны Рөстәмгә үзенә дә белдерми таныштырырга иде, дура...* ‘Надо было его познакомить, не сообщив Рустаму, дура ...’ [Такташ 1942: 290].

Еще одним сильным средством эмоционально-экспрессивного воздействия является инвективное заимствование *сукин сын: Килмә артык миңа, сукин сын!* ‘Не подходи ко мне, сукин сын!’ [Такташ 1942: 139]; *Ә безнең кебек сукин сыннарны, пример ницек инде волхутка ебәрәсең.* ‘Таких сукиных сынов как мы разве можно отпустить на свободу’ [Такташ 1942: 276]. Выявлены также сочетания, состоящие из заимствованной инвективы *сукин* и татарского слова, к примеру, *сукин тәре* ‘сукин остолоп’ (букв. сукин крест), *сукин балалары* ‘сукины дети’ и др.: *Тфү! Сукин балалары! ‘Тьфу! Сукины дети!’* [Такташ 1942: 243].

Автор использует инвективную единицу *сволочь* для обозначения низких, подлых людей:

Ах, сволочь!

Һәр заманның була үзенә күрә

Сволоче (каһәр суккыры)!

‘Ах, сволочь!’

У каждой эпохи есть

Своя сволочь (будь проклят)’ [Такташ 1942: 144].

В ходе анализа были обнаружены готовые заимствованные предложения: *Врешь, подлец!* [Такташ 1942: 270].

Как видим, заимствованные инвективные единицы придают ситуации значительный накал, напряженность и драматичность.

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о наличии шести тематических групп инвективных лексических и фразеологических единиц, которые способствуют выражению отрицательных эмоций и чувств по отношению к человеку или ситуации. Отметим, что инвективы всех тематических групп усиливают эмоциональную нагрузку высказывания персонажей. Степень инвективности высказываний обусловлена контекстом, тематикой произведения, историческим периодом, а также социально-экономическими проблемами того времени. Подводя итог, следует подчеркнуть, что инвективная лексика и фразеология позволяет создать более яркие и глубокие персонажи, отразить целый спектр настоящих чувств и эмоций человека.

Библиографический список

Галиуллина Г.Р. О некоторых лексических особенностях современной татарской разговорной речи // Этнопространство Западной Сибири: современная языковая ситуация [Электронный ресурс]: сборник тезисов докладов участников Международного научного форума (22 октября 2021 г., г. Тобольск). Киров: Изд-во МЦИТО, 2021. URL: <https://mcito.ru/publishing/epub/408.htm> (дата обращения: 12.01.2022).

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.

Файзуллина А.Г. Функциональный аспект инвективных композитов в разноструктурных языках. Монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 240 с.

Такташ И. Әсәрләр. Казан: Татгосиздат, 1942. 367 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. V том: С–Т. Казан: ТӘҺСИ, 2019. 908 б.